

Научная статья

УДК 340.02

DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(3).435-444

EDN GCNZYV

Взаимодействие технологий и права: научное осмысление и практическое воплощение

Екатерина Сергеевна Зайцева*Санкт-Петербургский университет МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия*
zay_tseva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0688-2967>

АННОТАЦИЯ

Взаимодействие технологий и права характеризуется двумя самостоятельными, но взаимосвязанными тенденциями. Первая определяется появлением интереса к проблемам технологий в юридической науке, в результате чего происходит изменение понятийно-категориального аппарата, появление новой «технологической» терминологии, а также научного обоснования необходимости алгоритмизации уже существующей правовой деятельности, процедур и процессов. Эта тенденция определяет попытки научного сообщества предложить современному законодателю и правоприменителю средства повышения качества результатов, совершенствования различных правовых процедур с помощью технологий, которые могут быть положены в их основу. Вторая — активным использованием различных инновационных технологий (информационных, цифровых, нейролингвистических) для усовершенствования и повышения эффективности правовой деятельности. Данная тенденция имеет обратный вектор движения и предполагает, что указанные технологии вначале входят в практическую деятельность, а уже потом анализируются научным юридическим сообществом. Обозначенные направления определяют вариативность использования понятия «технология» в современной юридической науке, обусловленной существованием: непосредственно юридических технологий как некой внешней формы (алгоритма), наполняемой содержанием в процессе осуществления юридической деятельности; технологий, обеспечивающих юридическую деятельность; а также технологий, выступающих вместо права («технологических императивов»). И если в двух последних случаях поднимается вопрос об уместности использования характеристики «юридическая» применительно к обозначенным технологиям, то в первом случае возникает вопрос о целесообразности использования понятия «технология» для отражения юридической действительности. Ответ на этот вопрос предполагает обращение к более широкому понятию «социальные технологии» и выявление их особенностей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

юридические технологии, социальные технологии, цифровые технологии, технологический императив, технологизация права

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Зайцева Е.С. Взаимодействие технологий и права: научное осмысление и практическое воплощение / Е.С. Зайцева. — DOI 10.17150/1819-0928.2026.27(3).435-444. — EDN GCNZYV // Академический юридический журнал. — 2026. — Т. 27, № 3. — С. 435–444.

Original article

Interaction of technology and law: scientific understanding and practical implementation

Ekaterina S. Zaitseva*St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, St. Petersburg, Russia*
zay_tseva@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0688-2967>

ABSTRACT

The interaction of technology and law is characterized by two independent but interconnected trends. The first is determined by the emerging interest in the problems of technology in legal science, resulting in a change in the conceptual and categorical apparatus, the emergence of new “technological” terminology, as well as a scientific justification for the need to algorithmize existing legal activities, procedures and processes. This trend determines the attempts of the scientific community to offer modern legislators and law enforcement agencies means of improving the quality of results, perfecting various legal procedures, using technologies that can form their basis. The second is the active use of various innovative technologies (information, digital, neurolinguistic) to improve

© Зайцева Е.С., 2026

and increase the efficiency of legal activity. This trend has a reverse vector of movement and assumes that these technologies are first included in practical activities, and only then analyzed by the scientific legal community. The identified trends determine the variability of the use of the concept of “technology” in modern legal science, conditioned by the existence of: directly legal technologies as a certain external form (algorithm), filled with content in the process of implementing legal activity; technologies that support legal activity, as well as technologies that act as substitutes for law (“technological imperatives”). While the latter two cases raise the question of the appropriateness of using the term «legal» in relation to these technologies, the former raises the question of the appropriateness of using the term “technology” to reflect legal reality. The answer to this question requires examining the broader concept of “social technologies” and identifying their specific features.

KEYWORDS

legal technologies, social technologies, digital technologies, technological imperative, technologization of law

FOR CITATION

Zaitseva E.S. Interaction of technology and law: scientific understanding and practical implementation. *Akademicheskiiy yuridicheskiiy zhurnal = Academic Law Journal*, 2026;27(3):435–444. (In Russian). DOI: 10.17150/1819-0928.2026.27(3).435-444. EDN: GCNZYV.

Введение

В свое время великий французский писатель Виктор Гюго сказал: «Лишь одна вещь сильнее всех армий на земле: это идея, время которой пришло». XXI век — время технологий и уже не только на уровне идеи. Воздействие технологий на все сферы жизнедеятельности общества, в том числе и правовую — аксиома, в то же время проникновение технологий на «территорию права» происходит не одномоментно, приобретает различные формы и направления своего движения и по-разному осмысливается в юридической науке. Многозначность и объемность понятия «технология», многообразие технологий, существовавших ранее и появившихся в последнее время, приводят к тому, что, с одной стороны, ключевое понятие «юридические технологии», отражающее процессы воздействия и взаимодействия технологий и права, используется очень расширительно, в том числе и для обозначения технологий, которые по своей сути юридическими не являются, хотя и имеют существенное значение для развития различных видов правовой деятельности и закономерно находятся в поле зрения ученых-юристов. С другой стороны, вызывают вопросы целесообразность и необходимость использования понятия «технология» для отражения юридической действительности, ответы на которые предполагают обращение к опыту анализа социальных технологий, явно недооценивающийся в юридических исследованиях.

Понятие «технология» в юридической науке как отражение воздействия и взаимодействия технологий и права

В юридической науке понятие «юридическая технология» входит в научный оборот на рубеже XX–XXI веков, прежде всего в рамках дискуссии его соотношения с понятием «юридическая техника». И если за прошедшие 30 лет понятие

«юридическая техника» наполнилось достаточно определенным содержанием, то относительно понятия «юридическая технология» этого сказать нельзя. До настоящего времени оно не обрело ни четкой определенности, ни должного места в теории права [1, с. 21]. Можно выделить три основных подхода, которые артикулируют содержательное наполнение указанного понятия: формальный (статичный), деятельностный и комплексный [2, с. 242–244]. Преобладающим, что, на наш взгляд, абсолютно справедливо, стал формальный подход, рассматривающий юридическую технологию как некую внешнюю форму (алгоритм), которая наполняется содержанием в процессе осуществления юридической деятельности. Именно этот подход стал чаще других использоваться при анализе конкретных юридических технологий. Особенно явно это прослеживается в трудах представителей Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Не особо дискутируя о содержании самого понятия, они исследовали юридические технологии в правотворчестве, фактически определив их перечень (юридическое прогнозирование, правовой мониторинг, правотворческий краудсорсинг, экспертизу проектов нормативных правовых актов и др.) [3–5] который, безусловно, не является ни закрытым, ни бесспорным.

Параллельно складывается самостоятельный тренд, связанный с употреблением данного понятия далеко за пределами обозначенных смыслов, когда юридическими технологиями стали обозначать цифровые технологии, обеспечивающие юридическую деятельность. Прежде всего, это технологии Legal Tech, связанные с созданием и использованием технологических решений в праве. Legal Tech используется в двух смысловых значениях: в узком смысле это сфера информационно-технологического

обслуживания профессиональной юридической деятельности, в широком — эта сфера включает разработку, внедрение и использование информационных, в том числе цифровых, технологий в процессе оказания юридических услуг, а также в процессе реализации юридического образования. Legal Tech можно рассматривать и как определенный набор технологий, решений или как отдельные технологии, используемые в юридической деятельности.

Разнообразие указанных технологий обусловило попытки их классификации по функциональному критерию, в соответствии с которым выделяются три самостоятельные группы. Первая группа включает универсальные технологические платформы, обладающие функциональной дифференциацией и успешно применяемые за пределами сегмента правового регулирования [6, с. 28]. К ним относят комплексы SmartAssist и Nligic из разряда систем искусственного интеллекта, а также программные продукты VisionLabs и FindFace, специализирующиеся на осуществлении биометрической идентификации личности посредством технологии распознавания лиц [7]. Вторая группа включает технологические решения, направленные на оптимизацию внутренних процессов юридических организаций [6, с. 28], такие как платформы автоматизации договорной деятельности (например, системы создания типовых соглашений, ведения переговоров и согласования условий); инструменты управления проектами (например, программные комплексы для планирования и контроля процессов); сервисы электронного документооборота (например, системы для оформления доверенностей, управления архивами и электронного подписания документов); ресурсы для удаленного сопровождения клиентов (включая онлайн-порталы правовой помощи, виртуальные консультации и каталоги юристов) [7]. Третья группа включает технологии, используемые для разрешения юридически значимых задач и казусов [6, с. 28]. К ним относят технологии правовой охраны и защиты интеллектуальной собственности; технологии оптимизации и цифровизации правосудия; технологии делопроизводственного документооборота и юридически значимого удостоверения документов [7].

В этот же ряд можно поставить и технологии применения Больших данных (Big data), используемые в различных сферах правовой деятельности и представленные рядом общепризнанных направлений: а) E-discovery — поиск электрон-

ной информации, представленной на цифровых носителях; б) Legal Research — ресурсы предоставления статистической информации по заранее определенным критериям; в) Case Strategy — анализ и оценка перспектив рассмотрения конкретного судебного спора [8, с. 21–22].

Активное влияние и внедрение цифровых технологий в процессы правового регулирования, использование юристами высокотехнологичных информационно-коммуникационных систем определили возможность введения в научный оборот нового понятия «высокотехнологичное право», определяемого как логистичный, наукоемкий и технологичный регулятор общественных отношений, который, с одной стороны, использует высокие технологии в процессе правоприменения, а с другой — регламентирует возникающие с ними отношения [9, с. 742]. Несмотря на спорность понятия, характеризующего процессы имплементации различных технологий в правовую действительность, сам факт их влияния на все виды правовой деятельности, осуществляемые в различных отраслях права, не вызывает сомнений, а использование различных компьютерных программ, позволяющих проверить своих контрагентов, составить текст договора, найти нужные примеры судебной практики и т.д., осуществляется повсеместно.

Несмотря на то, что в буквальном переводе с английского Legal Tech означает «юридические технологии», в русскоязычной коннотации характеристику «юридические» применительно к указанным технологиям не следует воспринимать буквально, поскольку цифровые технологии имеют вспомогательное значение для юридической деятельности и собственно юридическими не являются. Они направлены в большей степени на изменение или создание новых форм юридической деятельности, «повышение работоспособности права» [10, с. 33] и в меньшей оказывают влияние на ее содержание. В то же время, учитывая темпы технологизации и цифровизации общественных отношений, можно констатировать, что в перспективе под воздействием цифровых технологий будут меняться и существенные, содержательные параметры правового регулирования. Например, «ряд стран (Франция, Италия, Португалия) уже полностью перешли на новые принципы приказного производства, в рамках которого применяются не вспомогательные цифровые технологии, но технологии, позволяющие осуществлять исполнение судебных решений онлайн, в рамках дистанционного общения сторон» [11, с. 169–170].

Аналогичная ситуация с нейролингвистическими технологиями, такими как семантическое фреймирование, нейросемантическое моделирование терминологии, психоллингвистическая экспертиза законопроектов и др. [12, с. 60], которые в ряде государств постепенно внедряются в правотворческую деятельность и направлены на формирование необходимого или желаемого правового поведения и учитывают влияние создаваемых правовых норм на сознание субъектов права.

Говоря о взаимодействии права и технологий, нельзя не упомянуть так называемые «технологические императивы», рассматриваемые как средство изменения социальной реальности, в том числе правовой. «Технологический императив» подразумевает, что современные НБИК-технологии (нано-, био- инфо- и когно-технологии) являются принудительной силой, имеющей собственную нормативность [13, с. 37], которая может работать «вместо права» и с которой невозможно не считаться. Они являются не просто техническим предложением действовать тем или иным способом, а привносят с собой специфическое нормативное поле, в котором социальные и политические акторы поставлены перед необходимостью как-то определиться по отношению к навязанным им нормативам [13, с. 38]. Например, технология рекомбинатных ДНК (молекулярное клонирование, генная инженерия). В данном случае технологии и право выступают как конкуренты, выполняющие регулятивную функцию общественных отношений. В определенных ситуациях технологический императив становится одним из наиболее эффективных средств правового регулирования, позволяющих сглаживать конфликт между правовыми предписаниями и фактически складывающимися условиями общежития. Сам факт появления того или иного технического средства зачастую в совершенно императивной основе заставляет перестраиваться целые учреждения и организации, для которых простое осознание новых условий и того, как в этих условиях необходимо действовать, уже представляет серьезную дилемму, не говоря уже о тех мерах, которые ими принимаются, для того чтобы это осознание было реализовано [14, с. 26].

Если рассматривать обратный вектор воздействия права на технологии, то ключевой тезис, определяющий его движение, следующий: право способствует внедрению технологий в различные сферы человеческой деятельности, примиряя, согласовывая их с уже существующими технологиями [10, с. 33], создает нормативную основу для их воплощения в жизнь. В то же вре-

мя право может не допускать возможность существования технологий в принятии юридически значимых решений [15, с. 53].

Таким образом, активное внедрение в научный оборот понятия «технология» в юридической науке является следствием взаимодействия технологий и права. В результате чего происходит изменение понятийно-категориального аппарата, появление новой «технологической» терминологии, а также научного обоснования необходимости алгоритмизации уже существующей правовой деятельности, процедур и процессов, направленных на повышение их качества. Особенно, если речь идет об относительно новых процедурах, таких как правовой мониторинг, правотворческий краудсорсинг и др. Использование информационных, цифровых, нейролингвистических технологий для усовершенствования и повышения эффективности правовой деятельности определяет дополнительный интерес к теме технологий в юридической науке [16; 17]. Самостоятельное значение имеет появление «технологических императивов», выступающих средствами изменения социальной реальности, в том числе правовой. В результате можно говорить о существовании непосредственно юридических технологий как некой внешней формы (алгоритма), наполняемой содержанием в процессе осуществления юридической деятельности; технологий, обеспечивающих юридическую деятельность; и технологий, выступающих вместо права («технологические императивы»). И если в двух последних случаях возникает вопрос об уместности использования характеристики «юридическая» применительно к обозначенным технологиям, то в первом случае возникает вопрос о целесообразности использования понятия «технология» для отражения юридической действительности. Ответ на этот вопрос предполагает обращение к более широкому понятию «социальная технология», поскольку юридическая наука не единственная и не первая, где активно используется понятие «технология», ставшее определенным мейнстримом гуманитарных наук во второй половине XX века.

Юридические технологии как социальные технологии

Интерес к понятию «технологии» в гуманитарных науках, как правило, связывают с началом научно-технической революции, в результате которой обосновывается наличие избирательных, педагогических и иных технологий [3, с. 17], а широкое использование термина «социальные

технологии» восходит к трудам К. Поппера, написанным им в 1940–1950-е годы [18, с. 230]. В нашей стране этот термин начинает активно употребляться с середины 1970-х годов в трудах социологов, психологов, политологов во многом благодаря публикации на русском языке работы болгарского социального философа Н. Стефанова «Общественные науки и социальная технология» в 1976 году [18, с. 230].

«Технологии», «социальные технологии», «юридические технологии» — три понятия, которые следует рассматривать с учетом их родовидового соотношения. Если рассматривать технологии в целом, то они предполагают наличие трех основных признаков: возможность разграничения рассматриваемого процесса на внутренние, связанные между собой этапы и операции; координированность действий, осуществляемых на этих этапах для достижения искомого результата; однозначность выполнения включенных в технологию процедур и операций [19, с. 44–47]. При анализе социальных технологий делается акцент на том, что обозначенные признаки хоть и являются универсальными, в то же время должны быть в определенной степени трансформированы и дополнены, поскольку социальные объекты, на которые они направлены, отличаются от объектов природы [20, с. 23] или техники.

Одной из ключевых особенностей социальных технологий является их направленность на решение задач, связанных с обеспечением организации целенаправленной человеческой деятельности в определенной сфере. А «важным условием внедрения социальных технологий является наличие сфер деятельности, где имеет место активное (в противовес созерцательно-му) и целенаправленное (а по сути целерациональное) отношение человека к социальной среде» [18, с. 230]. Потребность в юридических технологиях как раз и определяется необходимостью организации юридической деятельности (правотворческой, правоприменительной и т.д.) для достижения поставленной цели.

Наиболее дискуссионным, применительно к социальным технологиям (имеющим существенное значение и для понимания юридических технологий) является вопрос получения гарантированного результата в случае прохождения всех этапов заявленного алгоритма. Ряд исследователей, основываясь на строгом соответствии признаков социальных технологий признакам технологий в целом, считают, «что, будучи созданными под решение конкретных повторяющихся задач, они, при соблюдении заданных правил и норма-

тивов, гарантируют лицу (лицам), использующим технологию, достижение изначально заданного результата» [18, с. 232]. Существует и иная точка зрения, в рамках которой подчеркивается специфика социальных технологий, предполагающая наличие меньшей детерминированности и жесткости, значительно большую гибкость своих параметров в сравнении с любой производственной технологией [20, с. 23], равно как и в получении искомого результата, поскольку социальные объекты предполагают проявление в них человеческого фактора, включающего не только рациональное, но и иррациональное [20, с. 23].

Полагаем, что применительно к социальным, и в том числе юридическим, технологиям алгоритмизация является несколько условной в силу того, что, во-первых, социальные объекты, на которые направлены эти технологии, не могут быть в полной мере сопоставимы с объектами природы или техники, во-вторых, алгоритмизируется прежде всего форма осуществления юридической деятельности, но не ее содержание. И точное выполнение формальных процедур не может гарантировать однозначный результат, если содержательную составляющую определяет человек. Социальные технологии предполагают наличие определенного алгоритма (программы) действий, но человек с его индивидуальностью и неповторимостью как субъект, воплощающий их в жизнь и выступающий движущей силой социальных технологий, определяет их вариабельность. Другое дело, когда и форма, и содержание юридической деятельности определяются не человеком, а машиной или искусственным интеллектом.

Ни одна из социальных технологий (политических, педагогических и др.) не дает стопроцентной гарантии достижения однозначного результата. Но это не снижает объективную потребность технологизации социальной, в том числе и юридической, деятельности, обусловленной: во-первых, «стремлением ускорить и упростить действия, направленные на удовлетворение социальной потребности» [21, с. 159]; во-вторых, необходимостью замены интуитивных суждений алгоритмами (правилами решения проблемы) [22, с. 39], поскольку любая правовая деятельность — это деятельность, предполагающая рационализацию и оптимизацию, которая, несмотря на творческий характер, не должна быть спонтанной и интуитивной. Технологизация различных видов правовой деятельности связана, с одной стороны, с усложнением процессов правотворчества и правореализации, а с другой — с развитием юридической и других наук, поис-

ком новых правовых средств достижения эффективности правового регулирования [3, с. 18]. По общему правилу технологический компонент присутствует там, где деятельность сложна и многогранна, и ее эффективное осуществление требует разделения на определенные виды, этапы, сегменты, необходима их соответствующая координация и обеспечение ресурсами [23, с. 8]. В то же время следует учитывать, что технологизация права имеет свои пределы, обусловленные необходимостью достижения технико-гуманитарного баланса и предполагающие, что технологии являются средствами усиления человеческого суждения, а не его замены [24, с. 19]. По мнению И.А. Андреевой, существует три фундаментальных предела технологизации права: эпистемологический, связанный с логической непереходимостью от факта к норме (так называемая «гильотина Юма»), что требует не вычисления, а абдуктивного рассуждения; онтологический, согласно которому право есть коммуникативная практика ответственных субъектов, конституирующая новую социальную реальность, а потому существует там, где есть кому доверять и кому отвечать; и аксиологический, фиксирующий неустранимость ценностного выбора, который алгоритм лишь маскирует, но не отменяет [24, с. 19]. Полная технологизация, по сути, означает конец всякой социальной деятельности, а значит, и прекращение развития общества.

Социальные технологии предполагают наличие определенной погрешности, что может быть как следствием несовершенства самой технологии, так и следствием недостаточной компетентности субъектов, ее реализующих. Нельзя отрицать и возможность того, что в процессе реализации какой-либо технологии она, напротив, будет усовершенствована опытным путем. Напрашивается, возможно, не совсем научное сравнение с приготовлением блюд, создание которых тоже осуществляется по определенной технологии, а отступление от нее может как испортить блюдо, так и привести к появлению кулинарного шедевра. Неслучайно в англоязычной литературе, посвященной проблемам философии техники, операциональная сторона технического знания обычно именуется «технологическим рецептом» [21, с. 161]. Это отступление связано с содержательным наполнением при прохождении каждого из этапов юридической технологии, но не предполагает отсутствие какого-либо из этапов, процедур операций или нарушение их последовательности [25, с. 277; 12, с. 60] и не исключает

необходимость соблюдения последовательности операций, которая, по мнению ряда исследователей, обеспечивается обязательностью документирования «алгоритма» [26, с. 28–29]. Полагаем, что обязательность документирования в данном случае должна трактоваться расширительно, поскольку «юридические технологии могут быть предусмотрены (и регламентированы) законодательством или выступать выражением правового (политического) опыта, не зафиксированного законом, но являющегося правовым обыкновением» [27, с. 89]. Так, правовой мониторинг, оценка регулирующего воздействия имеют нормативно-правовое закрепление, предусматривающее их проведение в соответствии с определенным алгоритмом¹, а правотворческий краудсорсинг, как одна из наиболее инновационных правотворческих технологий, — нет.

Обозначенная специфика социальных технологий, в том числе и юридических, не должна приводить к излишне расширительному использованию этого понятия, которое встречается в юридической исследованиях. Например, технологии восприятия права [25, с. 288] по своей сути юридическими технологиями не являются, поскольку восприятие права — это внутренний психологический процесс, имеющий сугубо индивидуальный характер, не предполагающий внешнего выражения, который не может осуществляться по определенному алгоритму и результат которого абсолютно не очевиден. В данном случае можно говорить о нейролингвистических технологиях, с помощью которых можно оказывать влияние на восприятие права.

Вряд ли целесообразно говорить и о технологиях правового регулирования [28, с. 346].

¹ О мониторинге правоприменения в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 г. № 657 (вместе с Положением о мониторинге правоприменения в Российской Федерации) (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 9 октября 2023 г. № 751) // Собрание законодательства РФ. 2023. № 42, ст. 7476 ; Об утверждении методики осуществления мониторинга правоприменения в Российской Федерации : Постановление Правительства Российской Федерации от 19 авг. 2011 г. № 694 (в ред. постановления Правительства Российской Федерации от 2 авг. 2023 г. № 1259) // Там же. № 32, ч. 2, ст. 6379 ; Правила проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии : утв. постановлением Правительства Российской Федерации от 17 дек. 2012 г. № 1318 «О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 52. Ст. 7491.

Правовое регулирование — это процесс целенаправленного, организационного воздействия, осуществляемого с помощью системы правовых средств на общественные отношения в целях их упорядочения и охраны, который имеет комплексный характер и не может протекать по единого алгоритму, поскольку осуществляется с помощью различных видов правовой деятельности (правотворческой, интерпретационной, правоприменительной), каждая из которых может быть рассмотрена как самостоятельная юридическая технология, имеющая собственные внутренний алгоритм.

Выводы

1. Научно-техническая революция, произошедшая в XX веке, привела к актуализации технологической тематики в социальных науках и, как следствие, к попыткам осмысления уже существующей деятельности, процедур и процессов сквозь призму технологий. Вследствие чего были обоснованы в науке и стали применяться на практике избирательные, педагогические и иные технологии. Эта тенденция определила большую упорядоченность и нацеленность на видимый, осязаемый результат различных видов социальной деятельности.

2. Интерес к технологической тематике в юридической науке возник на рубеже XX—XXI веков и обусловлен: во-первых, уже сложившейся апробацией использования этого понятия в иных социальных науках, во-вторых, актуализацией юридико-технической тематики внутри самой юридической науки, обусловленной усложнением различных видов правовой деятельности и поиском новых средств, способствующих повышению эффективности правового регулирования.

3. Воздействие и взаимодействие технологий и права характеризуются двумя самостоятельными, но взаимосвязанными тенденциями. Первая определяется появлением интереса к проблемам технологий в юридической науке, в результате чего происходит изменение понятийно-категориального аппарата, появление новой «технологической» терминологии, а также научного обоснования необходимости алгоритмизации уже существующей правовой деятельности, процедур и процессов. Эта тенденция определяет попытки научного сообщества предложить современному законодателю и правоприменителю средства повышения качества результатов, совершенствования различных правовых процедур. Особенно, если речь идет об относительно новых процеду-

рах, таких как правовой мониторинг, правотворческий краудсорсинг и др. Вторая — активным использованием новых неюридических технологий (информационных, цифровых, нейролингвистических) для усовершенствования и повышения эффективности правовой деятельности. Данная тенденция имеет обратный вектор движения и предполагает, что указанные технологии вначале входят в практическую деятельность, а уже потом анализируются научным юридическим сообществом. Отдельно следует отметить появление «технологических императивов», выступающих средствами изменения социальной реальности, в том числе и правовой.

4. Осмысление существующих видов правовой деятельности, процедур и процессов сквозь призму технологий характеризует тенденцию сближения академической юридической науки и юридической практики и направленности на решение практических задач с помощью системы юридических средств, используемых в строго определенной последовательности.

5. Юридические технологии как технологии социальные имеют свою специфику по отношению к технологиям производственным, связанную с их большей гибкостью, вариативностью в получении искомого результата, обусловленных проявлением человеческого фактора. Алгоритмизация как сущностная характеристика любой технологии является несколько условной применительно к технологиям социальным, в том числе юридическим, в силу того, что, во-первых, социальные объекты, на которые направлены эти технологии, не могут быть в полной мере сопоставимы с объектами природы или техники, во-вторых, алгоритмизируется прежде всего форма осуществления юридической деятельности, но не ее содержание. И точное выполнение формальных процедур не может гарантировать однозначный результат, если содержательную составляющую определяет человек.

6. «Юридическая технология» — это понятие, которое появилось в юридической науке в определенной степени «на будущее», поскольку «социальность», присущая юридическим технологиям сегодня, будет в меньшей степени проявляться в перспективе, учитывая общие тенденции технологизации и алгоритмизации права, предполагающие использование в правовом регулировании, правотворчестве и правоприменении машинных алгоритмов. В то же время технологизация и алгоритмизация права имеют свои пределы, равно как и негативные последствия, которые определяются возможностью предвзятости и неспра-

ведливости решений, если алгоритм основан на неполных или искаженных данных (алгоритмической ошибке).

7. Цифровые технологии и технологические решения в большей степени проникают в процессы правореализации (инструменты поиска и фиксации электронных доказательств, сервисы подбора и анализа судебной практики, системы

создания типовых соглашений, ведения переговоров и согласования условий, системы для оформления доверенностей, управления архивами и электронного подписания документов и др.) и в меньшей — в процессы правотворчества, где намечаются определенные шаги в этом направлении, связанные с возможностью появления цифровых законов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болдырев С.Н. Юридическая техника и юридическая технология: соотношение и значение / С.Н. Болдырев. — EDN NTRZZP // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2010. — № 1. — С. 20–25.
2. Зайцева Е.С. Пределы правового регулирования : дис... д-ра юрид. наук : 5.1.1 / Е.С. Зайцева. — Санкт-Петербург, 2025. — 538 с.
3. Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве : науч.-практ. пособие / М.В. Залоило. — Москва : ИНФРА-М, 2020. — 184 с. — EDN VTEJSU.
4. Залоило М.В. Актуальные проблемы правотворчества : учеб. пособие / М.В. Залоило, Н.Н. Черногор. — Москва : Контракт, 2018. — 144 с. — EDN XTТКСТ.
5. Залоило М.В. Мониторинг законодательства о противодействии коррупции : науч.-практ. пособие / М.В. Залоило. — Москва : Проспект, 2022. — 112 с. — EDN LIRJUU.
6. Пальянова Н.В. Развитие отрасли Legal Tech в России / Н.В. Пальянова. — DOI 10.21681/1994-1404-2022-4-27-38. — EDN AJHDSF // Правовая информатика. — 2022. — № 4. — С. 27–38.
7. Гарашко А.Ю. Современное состояние Legal Tech в юридической сфере. Примеры успешного применения информационных технологий в частной правовой деятельности / А.Ю. Гарашко, Н.С. Евсеева. — DOI 10.29039/2409-5087-2025-13-2-1-5. — EDN WMTXGK // Advances in Law Studies. — 2025. — Т. 13, № 2. — С. 1–5.
8. Зенин С.С. Большие данные в законодательном процессе / С.С. Зенин, Д.Л. Кутейников, И.М. Япрынцеv. — DOI 10.17803/1994-1471.2020.118.9.019-031. — EDN ZVZQCA // Актуальные проблемы российского права. — 2020. — Т. 15, № 9. — С. 19–31.
9. Бертовский Л.В. Высокотехнологичное право: понятие, генезис и перспективы / Л.В. Бертовский. — DOI 10.22363/2313-2337-2021-25-4-735-749. — EDN JORROV // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. — 2021. — Т. 25, № 4. — С. 735–749.
10. Давыдова М.Л. Право и технологии: аспекты взаимосвязи / М.Л. Давыдова. — EDN EJBTWN // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23–24 апр. 2026 г. : в 2-х ч. Ч. 1. — Санкт-Петербург, 2026. — С. 28–34.
11. Пучков О.А. Право в зеркале высоких технологий: сравнительный анализ тенденций правового развития / А.О. Пучков. — DOI 10.33184/pravgos-2024.2.21 // Правовое государство: теория и практика. — 2024. — № 2. — С. 163–172.
12. Уманская В.П. Юридические технологии: понятие и виды / В.П. Уманская. — EDN OZYCIB // Правовая культура. — 2012. — № 1(12). — С. 59–65.
13. Ушаков Е.В. Технологический императив и проблема нормативности технологии / Е.В. Ушаков. — EDN MFZMYO // Оригинальные исследования. — 2020. — Т. 10, № 10. — С. 35–40.
14. Бавсун М.В. Технологический императив как средство преодоления формально-догматического подхода в правовом регулировании общественных отношений / М.В. Бавсун. — EDN AOKDLP // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23–24 апр. 2026 г. : в 2-х ч. Ч. 1. — Санкт-Петербург, 2026. — С. 22–27.
15. Плетников В.В. Технологизация и право: грани соотношения / В.В. Плетников, М.С. Плетников. — EDN DHKFYS // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23–24 апр. 2026 г. : в 2-х ч. Ч. 1. — Санкт-Петербург, 2026. — С. 49–55.
16. Михайлов И.Н. К вопросу о понятии, признаках и видах цифровых валют / И.Н. Михайлов. — DOI 10.17150/1819-0928.2023.24(4).568-577. — EDN LCBVWT // Академический юридический журнал. — 2023. — Т. 24, № 4. — С. 568–577.
17. Вакулина Г.А. Цифровой рубль как категория гражданского права / Г.А. Вакулина. — DOI 10.17150/1819-0928.2024.25(3).431-439. — EDN GRPALP // Академический юридический журнал. — 2024. — Т. 25, № 3. — С. 431–439.
18. Социология управления. Теоретико-прикладной толковый словарь / отв. ред. А.В. Тихонов. — Москва : Кранд, 2015. — 480 с. — EDN UJTTVV.
19. Марков М. Технология и эффективность социального управления / М. Марков. — Москва : Прогресс, 1982. — 267 с.
20. Сурмин Ю.П. Теория социальных технологий : учеб. пособие / Ю.П. Сурмин, Н.В. Туленков. — Киев : МАУП, 2004. — 608 с.

21. Денисова Л.В. Технологии в составе юридического знания / Л.В. Денисова. — EDN QKMCZM // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23–24 апр. 2026 г. : в 2-х ч. Ч. 1. — Санкт-Петербург, 2026. — С. 158–161.
22. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. — Москва : Academia, 2004. — 783 с. — EDN QOCVVP.
23. Малько А.В. Правотворческая политика и юридические технологии / А.В. Малько, М.А. Костенко. — EDN ZHTDLJ // Правовая культура. — 2017. — № 3 (30). — С. 7–14.
24. Андреева И.А. Технологизация права и ее пределы / И.А. Андреева. — EDN YRJFSU // Государство и право: эволюция, современное состояние, перспективы развития : материалы XXIII Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 23–24 апр. 2026 г. : в 2-х ч. Ч. 1. — Санкт-Петербург, 2026. — С. 15–21.
25. Червонюк В.И. Инновационные юридические технологии / В.И. Червонюк. — EDN ZOYNDR // Юридическая техника. — 2021. — № 15. — С. 273–293.
26. Лукьянова В.Ю. Юридические технологии правового анализа / В.Ю. Лукьянова. — DOI 10.12737/art_2018_11_3. — EDN VQKWEQ // Журнал российского права. — 2018. — № 11. — С. 25–40.
27. Червонюк В.И. Юридические технологии («правовая инженерия»): методологическое значение, природа, соотношение с юридической техникой, статус в системе / В.И. Червонюк. — EDN MQPSSP // Вестник Мордовского университета. — 2009. — Т. 19, № 4. — С. 87–93.
28. Валиев Р.Г. Усмотрение в практике правового регулирования общественных отношений : монография / Р.Г. Валиев. — Санкт-Петербург : Наукоемкие технологии, 2024. — 397 с. — EDN EJOWZQ.

REFERENCES

1. Boldyrev S.N. Legal Technique and Legal Technology: Ratio and Significance. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and Education: Economy and Financial Economy; Entrepreneurship; Law and Management*, 2010, no. 1, pp. 20–25. (In Russian). EDN: NTRZZP.
2. Zaitseva E.S. *Limits of legal regulation. Doct. Diss.* Saint Petersburg, 2025. 538 p.
3. Zaloilo M.V. *Modern Legal Technologies in Law-Making*. Moscow, INFRA-M Publ., 2020. 184 p. EDN: VTEJSU.
4. Zaloilo M.V., Chernogor N.N. *Actual Problems of Law-Making*. Moscow, Kontrakt Publ., 2018. 144 p. EDN: XTTKCT.
5. Zaloilo M.V. *Monitoring of Legislation on Counteraction Corruption*. Moscow, Prospekt Publ., 2022. 112 p. EDN: LIRJUU.
6. Pal'yanova N.V. Development of the Legal Tech industry in Russia. *Pravovaya informatika = Legal informatics*, 2022, no. 4, pp. 27–38. (In Russian). EDN: AJHDSF. DOI: 10.21681/1994-1404-2022-4-27-38.
7. Garashko A.Yu., Evseeva N.S. The Current State of Legal Tech in the Legal Field. Examples of Successful Application of Information Technologies in Private Legal Activities. *Advances in Law Studies*, 2025, vol. 13, no. 2, pp. 1–5. (In Russian). EDN: WMTXGK. DOI: 10.29039/2409-5087-2025-13-2-1-5.
8. Zenin S.S., Kuteynikov D.L., Yaprntsev I.M. Big Data in the Legislative Process. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2020, no. 9, pp. 19–31. (In Russian). EDN: ZVZQCA. DOI: 10.17803/1994-1471.2020.118.9.019-031.
9. Bertovsky L.V. High-Tech Law: Concept, Genesis and Prospects. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2021, vol. 25, no. 4, pp. 735–749. (In Russian). EDN: JORROV. DOI: 10.22363/2313-2337-2021-25-4-735-749.
10. Davydova M.L. Law and technology: aspects of interconnection. *State and law: evolution, current state, development prospects. Materials of the XXIII International Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, April 23–24, 2026*. Saint Petersburg, 2026, pt. 1, pp. 28–34. (In Russian). EDN: EJBTWN.
11. Puchkov O.A. Law in the Mirror of High Technology: Comparative Analysis of Legal Development Trends. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 2, pp. 163–172. (In Russian). DOI: 10.33184/pravgos-2024.2.21.
12. Umanskaya V.P. Legal Technology: Concept and Types. *Pravovaya kul'tura = The Legal Culture*, 2012, no. 1, pp. 59–65. (In Russian). EDN: OZYCIB.
13. Ushakov E.V. Technological Imperative and the Problem of Technology Normativity. *Original'nye issledovaniya = Original Research*, 2020, vol. 10, no. 10, pp. 35–40. (In Russian). EDN: MFZMYO.
14. Bavsun M.V. Technological imperative as a means of overcoming the formal dogmatic approach in the legal regulation of public relations. *State and law: evolution, current state, development prospects. Materials of the XXIII International Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, April 23–24, 2026*. Saint Petersburg, 2026, pt. 1, pp. 22–27. (In Russian). EDN: AOKDLP.
15. Pletnikov V.V., Pletnikov M.S. Technologization and law: facets of the ratio. *State and law: evolution, current state, development prospects. Materials of the XXIII International Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, April 23–24, 2026*. Saint Petersburg, 2026, pt. 1, pp. 49–55. (In Russian). EDN: DHKFYS.
16. Mikhailov I.N. The Issue of the Concept, Features and Types of Digital Currencies. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2023, vol. 24, no. 4, pp. 568–577. (In Russian). EDN: LCBWT. DOI: 10.17150/1819-0928.2023.24(4).568-577.
17. Vakulina G.A. The Digital Ruble as a Category of Civil Law. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2024, vol. 25, no. 3, pp. 431–439. (In Russian). EDN: GRPALP. DOI: 10.17150/1819-0928.2024.25(3).431-439.

18. Tikhonov A.V. (ed.). *Sociology of management. Theoretical and applied explanatory dictionary*. Moscow, Krasand Publ., 2015. 480 p. EDN: UJTTVV.
19. Markov M. *Technology and efficiency of social management*. Moscow, Progress Publ., 1982. 267 p.
20. Surmin Yu.P., Tulenkov N.V. *Social technology theory*. Kiev, MAUP Publ., 2004. 608 p.
21. Denisova L.V. Technologies as part of legal knowledge. *State and law: evolution, current state, development prospects. Materials of the XXIII International Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, April 23–24, 2026*. Saint Petersburg, 2026, pt. 1, pp. 158–161. (In Russian). EDN: QKMCZM.
22. Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting*. New York, Basic Books, 1973. 507 p. (Russ. ed.: Bell D. *The coming post-industrial society. Social forecasting experience*. Moscow, Academia Publ., 2004. 783 p.). EDN: QOCVVP.
23. Mal'ko A.V., Kostenko M.A. Legislative Policy and Legal Technologies. *Pravovaya kul'tura = The Legal Culture*, 2017, no. 3, pp. 7–14. (In Russian). EDN: ZHTDLJ.
24. Andreeva I.A. Technologization of law and its limits. *State and law: evolution, current state, development prospects. Materials of the XXIII International Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, April 23–24, 2026*. Saint Petersburg, 2026, pt. 1, pp. 15–21. (In Russian). EDN: YRJFSU.
25. Chervonyuk V.I. Innovative Legal Technologies. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2021, no. 15, pp. 273–293. (In Russian). EDN: ZOYNDR.
26. Lukyanova V.Yu. Legal Technologies of Legal Analysis. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2018, no. 11, pp. 25–40. (In Russian). EDN: VQKWEQ. DOI: 10.12737/art_2018_11_3.
27. Chervonyuk V.I. Legal technology («legal engineering»): methodological significance, nature, relation to legal technique, status in the system. *Vestnik Mordovskogo universiteta = Mordovia University Bulletin*, 2009, vol. 19, no. 4, pp. 87–93. (In Russian). EDN: MQPSSP.
28. Valiev R.G. *Discretion in the practice of legal regulation of public relations*. Saint Petersburg, Naukoemkie tekhnologii Publ., 2024. 397 p. EDN: EJOWZQ.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Екатерина Сергеевна Зайцева — доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и истории государства и права. Санкт-Петербургский университет МВД России. 198206, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, 1. SPIN-код: 5564-7470.

ABOUT THE AUTHOR

Ekaterina S. Zaitseva — Doctor of Law, Associate Professor, the Head of the Department Theory and History of State and Law. St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 1 Pilytov Str., St. Petersburg, 198206, Russia. SPIN-code: 5564-7470.

Поступила в редакцию / Received 01.08.2026

Доработана после рецензирования / Revised 02.09.2026

Принята к публикации / Accepted 10.09.2026